

Мелоды Крейцеровой Сонаты Льва Толстого

Разказъ * * *

Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія

Цена 15 к.

2-е изданіе.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: С.-Петербургъ. Фонтанка 95,
въ типографіи.

I.

Въ ...ской церкви дюжина любопытныхъ ждала полуночи, гуляя по храму.

Величавый сумракъ царилъ подъ высокимъ сводомъ. При звукѣ двухъ экипажей, доносившемся съ улицы, всѣ поспѣшили занять мѣста въ капеллѣ, въ которой ужъ все было приготовлено къ вѣнчанію. Они видѣли, какъ распахнулась главная дверь, и вошла темная группа, въ которой выдѣлялась одна бѣлая фигура, невѣста; это была молодая дѣвушка, высокая и стройная. За нѣсколько шаговъ отъ алтаря она отдѣлилась отъ своихъ спутниковъ и склонилась на каменныхъ ступеняхъ.

Эта сцена могла бы тронуть и безбожника. Все существо молящейся было полно

чуднаго молитвеннаго настроенія. Стоя на колѣняхъ и наклонившись впередъ, она забыла о своемъ газовомъ роскошномъ туалетѣ; сдвинувъ голову руками, она не думала о своемъ свадебномъ нарядѣ и смяла пальцами флердоранжъ своего вѣнка. Это была настоящая проникновенная и побѣждающая молитва. Кто увидѣлъ бы эту молодую дѣвушку рыдающую, на колѣняхъ, съ ея трепещущей грудью, тотъ подумалъ бы съ участіемъ, что въ ея молитвѣ, несомнѣнно, заключается горестное прощаніе съ несбывшимися мечтами.

Женихъ медленно приблизился и сталъ рядомъ съ ней. Она взглянула на него — ей стало тяжело: онъ показался ей такимъ дряхлымъ, такимъ отжившимъ. Это былъ слабый старикъ съ головой, еле покрытой длинными сѣдыми волосами, волочившій, не сгибая, одну ногу, — старый солдатъ, какъ можно было видѣть по его крестамъ и по большому шраму на лбу.

Когда, окончивъ молитву, она подняла голову, всѣ поражены были ея блѣднымъ, ангельскимъ личикомъ, которое свѣтилось глубокой и покорной грустью; но не трудно было угадать, что это трогательное выраженіе происходитъ не отъ временной печали, хотя-бы отъ этого неравнаго брака; это были, скорѣе, слѣды одного изъ тѣхъ глубокихъ страданій, которыя видны уже на дѣтскомъ челѣ и выраженіе которыхъ на столько же старо, на сколько лицо еще юно; видно, не въ бракѣ было ея горе.

Между тѣмъ какъ зрители предавались этимъ размышленіямъ, и каждый по своему объяснялъ себѣ этотъ неудачный бракъ; между тѣмъ какъ они высказывали разнообразныя предположенія объ этой неподходящей парѣ, вѣнчавшейся безъ всякой торжественности, безъ семьи—ибо не было при этомъ ни отца, ни матери, никого, кто прослезился бы здѣсь, но лишь четыре безстрастныхъ свидѣтеля,—обрядъ вѣчанія начался. Пасторъ молился вполголоса, присутствующіе слушали. Когда служитель алтаря приблизился съ вѣнчальными кольцами къ супругамъ и спросилъ старца, изъявляетъ-ли онъ предъ лицомъ святой церкви согласіе взять въ жены Сусанну***, старый солдатъ выпрямился и твердымъ голосомъ громко произнесъ: «да!».

И когда тотъ-же роковой вопросъ былъ обращенъ къ невѣстѣ, губы ея не проронили ни звука: лишь наклоненіемъ головы она сдѣлала утвердительный знакъ. Пасторъ нашель этотъ отвѣтъ достаточнымъ, чтобы связать ее обязательствомъ предъ Богомъ.

Это не удивило никого изъ свидѣтелей; лишь случайные зрители были поражены, и за ними послышался вдругъ слабый возгласъ:

— «Бѣдная дѣвочка!».

При этихъ словахъ одинъ изъ зрителей обернулся къ женщинѣ, стоявшей позади ихъ; онъ увидѣлъ единственное взволнованное лицо, единственные влажные глаза. Это была прислужница при церкви;

замѣтивъ движеніе молодого человѣка, она продолжала, не ожидая вопроса:

— «О, это грустная, прегрустная исторія, но, если угодно, я расскажу ее вамъ:

«Ее зовутъ Сусанна. Тринадцать лѣтъ тому назадъ это было самое красивое дитя въ городѣ—маленькая розовая дѣвочка, съ вьющимися волосами, съ большими голубыми глазами, живая, веселая, вѣчно съ улыбкой на пурпурныхъ губкахъ. Люди останавливались и провожали ее взглядомъ, когда она показывалась на прогулкѣ или на улицѣ; весь міръ былъ очарованъ ея личикомъ, ея гращей, ея прелестной болтовней. Эта дѣвочка была нашимъ чудомъ.

«Ея мать семь лѣтъ не имѣла дѣтей. Она получила этого ребенка лишь молитвами и обѣтами, а вы знаете, сударь,—эти дѣти всегда несчастны. И вотъ однажды во время катанія на лодкѣ, гдѣ сидѣли Сусанна съ матерью и знакомыми, лодка перевернулась; всѣ мгновенно скрылись въ волнахъ. Съ берега поспѣшили на помощь, но изъ семи человѣкъ спасли лишь пятерыхъ, и мать Сусанны была въ числѣ жертвъ.

«Сусанна осталась въ живыхъ. Ее вытащили полумертвую изъ воды; но когда она, благодаря бережному уходу, вновь пришла въ себя и хотѣла позвать свою мать,—она не сдумѣла: языкъ не повиновался ей; отъ страха и волненія она онѣмѣла.

«Печально потянулось дѣтство увѣчной сиротки. Весь міръ измѣнился для нея. Ни матери, ни подругъ. Никто почти не обра-

шаль вниманія на маленькую дѣвочку въ черномъ платьѣ съ блѣдными щеками и тусклыми глазами, которая не отвѣчала, когда къ ней обращались съ вопросомъ.

«И потомъ, точно для того, чтобы усилить ея несчастье, она стала хорошеѣть. Юность ея прошла еще печальнѣе. Она жила у старой родственницы, которая пріютила ее изъ состраданія; но никогда никто не видѣлъ ее въ обществѣ подругъ ея возраста. Единственной радостью ея было ходить сюда, въ храмъ, ибо она была набожна. Церковные праздники были ея праздниками; другихъ она не знала. Съ нетерпѣніемъ ждала она ихъ: Пасхи съ ея увитымъ цвѣтами алтаремъ; Рождества съ его полуночнымъ служеніемъ; Вознесенія, съ длинными процессіями, которыя проходятъ разукрашенныя улицы, съ развѣвающимися флагами, съ дорогами, усыпанными розами, съ дѣвушками въ бѣлыхъ платьяхъ. Это былъ ея настоящій праздникъ, ибо въ этотъ день и она одѣвалась въ бѣлое платье съ длиннымъ покрываломъ, которое всякій годъ сама приготовляла къ этому единственному дню, когда она, опустивъ глаза къ молитвеннику, проходила чрезъ толпу и становилась молча межъ своихъ подругъ, голоса которыхъ оглашали храмъ звуками священныхъ напѣвовъ. Часто на этомъ торжествѣ ей, между прочимъ, приходилось слышать такія любезности, отъ которыхъ сжималась ея грудь. И часто на другой день глаза ея были заплаканы.

Когда, наконецъ, старая родственница, у которой Сусанна нашла пріютъ, умерла этой зимой, она осталась совсѣмъ безъ крова. Говорили, что она собирается въ монастырь, и я думаю, она была-бы самоотверженной и благочестивой монахиней. Но небо рѣшило иначе: мѣсящъ тому назадъ пріѣхалъ сюда старый другъ ея семьи, чтобы позаботиться о ея дѣлахъ; это былъ старый, очень богатый генераль, который, недолго думая, предложилъ одинокой и несчастной дѣвушкѣ свою руку. Сусанна согласилась».

Разказъ доброй старухи окончился вмѣстѣ съ обрядомъ. Новобрачные вмѣстѣ со своими спутниками оставили церковь. Любопытные разошлись, и холодный почной вѣтеръ быстро разсѣялъ въ нихъ впечатлѣніе зрѣлища, котораго они были свидѣтелями. Черезъ нѣсколько минутъ карета, привезшая вѣнчавшихся въ церковь, мчалась къ вокзалу, откуда сейчасъ отходилъ поѣздъ въ Берлинъ.

II.

Два года спустя мы находимъ генерала и его молодую жену въ ихъ квартирѣ на * * * улицѣ въ Берлинѣ, въ прелестномъ маленькомъ домикѣ, окруженномъ садомъ, изящно и удобно обставленномъ, уютномъ и красивомъ; сюда привезъ генераль Сусанну тотчасъ послѣ свадьбы.

Вмѣстѣ съ нимъ жилъ его старый от-

ставной товарищъ. Георгъ былъ принятъ безъ опредѣленной должности своимъ генераломъ, который не связалъ своего гостепримства никакими условіями. Скоро, однако, завѣдываніе хозяйствомъ и дѣлами генерала сосредоточилось въ его рукахъ.

Получивъ письмо, въ которомъ генераль писалъ: «Я женюсь»,—Георгъ попросту не повѣрилъ.

Старый, больной генераль женится!— онъ шутить.

Какъ часто въ ихъ вечернихъ бесѣдахъ онъ сознавался, что никогда не интересовался женщинами; даже въ молодости, когда онъ былъ еще поручикомъ, любовь казалось ему дѣломъ не подходящимъ. Во всей коллекціи его анекдотовъ, рассказовъ и описаній не проскальзывалъ ни образъ молодой дѣвушки, ни какое нибудь любовное приключеніе— и теперь онъ вдругъ одумался! Южное солнце дало ему этотъ дурной совѣтъ—неужели онъ послѣдовалъ ему? Георгъ думалъ, что генераль пошутилъ надъ нимъ, чтобы испытать его легковѣріе.

Невозможно описать замѣшательство Георга, когда онъ при возвращеніи генерала подошелъ къ его каретѣ и въ ней увидѣлъ рядомъ съ сѣдовласымъ воиномъ молодую женщину. Ни на радостное представленіе генераломъ Сусанны, ни на сердечныя привѣтствія у Георга не нашлось отвѣта; но когда онъ увидѣлъ, какъ она хороша, онъ понялъ ошибку старца. Онъ оправдалъ его, когда генераль сказалъ:

— «Она бѣдна и больна; я хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло».

Но Георгу было все-таки тяжело думать, что теперь все пойдетъ иначе въ домѣ, гдѣ онъ много лѣтъ жилъ такъ счастливо.

III.

Какъ предвидѣлъ Георгъ, все въ домѣ измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ поселилась Сусанна. Маленькое жилище разомъ приукрасилось. Комнаты, нѣкогда неуютныя и непривѣтливныя, стали роскошны и блестящи. Съ ея господствомъ вошло въ домъ расточительное изящество, — и онъ сталъ однимъ изъ самыхъ роскошныхъ въ улицѣ. Измѣнился также хозяинъ.

Съ первыхъ дней женитьбы генералъ не прикасался къ превосходной турецкой трубкѣ, которую нѣкогда получилъ въ подарокъ отъ одного восточнаго князя. Золотистый ароматный табакъ засыхалъ въ прекрасныхъ шелковыхъ, вышитыхъ жемчугомъ кисетахъ, которые онъ раньше прицѣплялъ къ пуговкѣ, когда курилъ во время своей утренней прогулки по саду, гдѣ онъ небрежно шагалъ, не обращая вниманія на клумбы и нерѣдко растаптывая ногой гиацинты.

Теперь-же садовникъ тщательно ухаживалъ за своими цвѣтами. Трубки мирно покоились подлѣ стараго оружія, почернѣвшихъ эполетъ и продыранныхъ мундировъ: достаточно было одного мановенія

Сусанны, чтобы онъ безъ противорѣчя, безъ разговоровъ, безъ жалобъ отказался отъ старой, любимой привычки. На вопросъ Георга онъ просто отвѣтилъ:

— «Она не любитъ дыма».

Онъ оставилъ свои солдатскія привычки одну за другой, безъ ропота, безъ напряженія. Все измѣнилось въ немъ: нравы, языкъ и характеръ. Онъ былъ раньше горячъ, вспыльчивъ, неспокоенъ, неровенъ; у него были дни гнѣва, дни, когда погода отражалась на его старыхъ ранахъ, которыя носили имена сраженій.

Бывало, Георгъ, открывъ утромъ окно и видя, что на дворѣ дождь или вѣтеръ, говорить, покачивая головой: «Скверный день, дурная погода для Кениггреца», или: «Сегодня достанется фарфору отъ Меца!» А теперь—въ дождь и въ градъ, въ снѣгъ и бурю—генералъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ и счастливъ.

Онъ, который не выносилъ свѣта и знать его не хотѣлъ, онъ, воспитанный въ суровой школѣ и возмущавшійся блестящими и лживыми формами столичной жизни, подчинился этому гнету. Онъ привыкъ къ блестящимъ салонамъ, къ скучнымъ *soirées*. Несмотря на свою большую ногу, онъ сталъ-бы танцоромъ, если бы его жена этого хотѣла.

Онъ, который до сихъ поръ чувствовалъ себя хорошо только въ циркѣ или въ опереткѣ, просиживалъ теперь цѣлые вечера въ оперѣ и не засыпалъ при этомъ. Онъ, который такъ нуждался въ покоѣ и считался домо-

сѣдомъ, теперь цѣлые дни проводилъ въ аллеяхъ Тиргартена и другихъ общественныхъ мѣстахъ, ночью — на балахъ, концертахъ и празднествахъ, сопровождая повсюду свою молодую жену. Онъ чувствовалъ себя хорошо подлѣ нея, онъ былъ гордъ и счастливъ ею.

И Георгъ, который сперва такъ удивлялся этому браку и этому превращенію, самъ поддался ходу вещей. Его жесткая кожа размякла; онъ сталъ покорнымъ слугой, преданнѣйшимъ рабомъ этой женщины.

Сусанна не меньше измѣнилась послѣ брака. Это была ужь больше не та бѣдная, скромная, меланхоличная дѣвушка, забывавшая свое горе за неустанной работой и вспоминая о рѣдкихъ праздникахъ, когда она проливала нѣсколькими слезами больше.

Эта бѣдная Сусанна, дѣтство которой прошло такъ тускло, такъ одиноко, быстро развилась при свѣтѣ солнца; она созрѣла душою и тѣломъ. Кто видѣлъ въ ту ночь въ церкви, какъ она кивнула головою вѣнчавшему ее пастору, и черезъ полтора года встрѣтилъ бы ее въ Берлинѣ въ ея салонѣ, тотъ едва-ли узналъ бы ее. Она выросла: лицо и фигура ея стали старше, во всемъ чувствовалась гордость. Ея голубые глаза потеряли тотъ взглядъ, полный задумчивой прелести, которой ее такъ украшалъ; цвѣтъ лица ея потемнѣлъ, брови вырѣзались яснѣе. Милая дѣвочка исчезла; ея мѣсто заняла взрослая чудная красавица.

И характеръ ея измѣнился. Она стала прихотлива, капризна, взыскательна. Ея причуды не знали предѣла, ея желанія не признавали узды. Она ничего не принимала въ соображеніе и никого не щадила. И такую ее всѣ любили.

Ея болѣзнь давала всѣмъ ея недостаткамъ трогательное извиненіе. Ея жалѣли и думали, что она нуждается въ общемъ вниманіи. Поэтому она сама склонна была мало заботиться о своемъ слабомъ супругѣ и помогать его невѣрному шагу; наоборотъ, онъ былъ утѣшителемъ и поддержкою ея въ ея омраченной юности. Онъ находилъ для нея всевозможныя нѣжности и окружалъ ее всяческимъ вниманіемъ. Для нея онъ исчерпалъ то искусство мелкихъ заботъ, которымъ владѣеть такъ успѣшно старость, которымъ только она и владѣеть. Часто сжималось его сердце, видя, какимъ равнодушіемъ, какой холодностью платить Сусанна за всѣ эти знаки трогательнаго вниманія.

Любовь генерала къ женѣ была нѣжна и горда. Это была столько же любовь отца, сколько мужа, нѣжность, которая все даетъ и ничего не проситъ, ничего не требуетъ, безкорыстная, довольная одной улыбкой за всю ея внимательность. Прощаясь съ нею по вечерамъ въ маленькомъ салонѣ, раздѣлявшемъ ихъ спальни, добрый старикъ считалъ себя вознагражденнымъ за весь день, за всѣ свои мытарства, за все вниманіе, если она подставляла ему лобъ для поцѣлуя, если она пожимала ему руку,

если она на своемъ языкѣ, который онъ такъ хорошо понималъ, говорила ему:

— «Я довольна вечеромъ, который ты мнѣ устроилъ; музыка въ концертѣ тронула меня, танцы на балу меня развеселили, артистъ въ драмѣ взволновалъ меня,— благодарю!».

Съ невѣроятнымъ стараніемъ работала онъ надъ изученіемъ ея языка, и, благодаря труду, постоянству и любви, ему удалось вполне овладѣть имъ. Чудеснымъ образомъ онъ понималъ его тончайшіе нюансы, извѣдалъ его глубочайшія тайны, истолковывалъ его смѣлыя выраженія и метафоры. Его инстинктивная жалость и доброта открывали ему смыслъ всякаго непонятнаго выраженія женщины, которая не перелагала своихъ мыслей въ общедоступные звуки, но говорила всѣмъ своимъ существомъ, всей своей красотой; она говорила жестами и взглядами, улыбкой устъ и пламенемъ глазъ; ея глаза, ея руки, ея образъ были полны словъ, которыя она показывала, давала видѣть и чувствовать. Удивительная рѣчь, изящная, пластичная, беззвучная, полная жизни, красою и чарующей силы!

Генералъ вполне освоился съ этимъ нарѣчіемъ, вполне постигъ его тайны, и Сусанна была ему благодарна за это понимание больше, чѣмъ за все другое, больше, чѣмъ за радости, которыя онъ ей доставлялъ, чѣмъ за все богатство, которое онъ положилъ къ ея ногамъ, чѣмъ за велико-

лѣпный домъ, въ которомъ онъ ее слѣлалъ хозяйкой, чѣмъ за роскошь обстановки, подарки и драгоцѣнности, которыми онъ осыпалъ ее, чѣмъ за прелестную дачу за городомъ, гдѣ она, по своему желанію, провела лѣто и осень.

Она даже сердилась на тѣхъ, кто не сразу понималъ ея знаки и кто, какъ Георгъ, иногда смотрѣли на нее съ тупымъ выраженіемъ или улыбались ея быстрой жестикующей и пожимали плечами. Особенно она не любила писать то, что хотѣла сказать. Повсюду у нея, на всѣхъ столикахъ и этажеркахъ лежали раскрытыя записныя книжки, таблички, карандаши, но она пользовалась всѣмъ этимъ съ неудовольствіемъ и лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. И иногда въ тяжелыя минуты она не могла удержаться и уничтожала, рвала и ломала всѣ эти приспособленія, въ которыхъ видѣла символъ своего несчастія. Эти пособія мучали ее: это были костыли, которыхъ она стыдилась.

Въ теперешнемъ положеніи, въ роскоши и богатствѣ Сусанна была болѣе достойна сожалѣнія, чѣмъ если бы была бѣдной и простой дѣвочкой. Счастіе дало ей такъ много и не дало лишь одного, точно желая сказать ей: «Этого тебѣ недостаетъ!» И она страдала. Ея недостатокъ портилъ все для нея; онъ отравлялъ ея радости, омрачалъ ея красоту, не допускалъ уваженія къ ней и замѣнялъ любовь и преклоненія—сожалѣніемъ. Каждый день оживленной и самолюбивой женщины съ ея дѣятельной

и живой фантазіей былъ полонъ обманутыхъ надеждъ и оскорбленій, терзавшихъ ея сердце. Это привело ее къ унынію, отъ котораго она поблѣднѣла и ослабла. Генераль былъ въ отчаяніи. Онъ совѣтовался съ знаменитыми врачами, онъ предлагалъ половину своего состоянія тому, кто вылечить ее, но исцѣленія не было.

— «Бѣдная, милая!—говорилъ Георгъ со слезами на глазахъ:—она можетъ умереть отъ этого, потому что женщина должна говорить, чтобы жить. Врачи ничего не знаютъ, и я убѣжденъ, что къ ней возвратится когда-нибудь даръ слова. Если-бъ это былъ врожденный недостатокъ, я бы ничего не сказалъ; но, вѣдь, ее лишилъ языка случай: это должно быть излечимо. У насъ былъ лейтенантъ, котораго оглушилъ выстрѣлъ изъ пушки; а потомъ рана въ голову вернула ему слухъ. Конечно, я не испыталъ бы этого средства на бѣдной женщинѣ, но, я думаю, должны же врачи имѣть что-нибудь взамѣнъ этого».

А между тѣмъ всѣ старанія медицинскихъ знаменитостей были безплодны; нѣкоторые пытались примѣнить какое-нибудь леченіе, даже операцию — все тщетно, и надежда на ихъ искусство была уже совершенно потеряна, когда въ Берлинъ пріѣхалъ иностранный принцъ, въ сопровожденіи своего врача.

Этотъ врачъ имѣлъ громкую извѣстность; онъ былъ членъ-корреспондентъ всѣхъ академій и извѣстнѣе своего господина. При-

бытіе обоихъ путешественниковъ надѣлало шума въ газетахъ. Университетъ почтилъ ученаго торжественнымъ засѣданіемъ; въ оперѣ и въ высшемъ свѣтѣ, гдѣ любознательный принцъ изучалъ нравы страны въ оригиналѣ, можно было встрѣтить обоихъ.

Высокіе гости были представлены также въ салонѣ, гдѣ бывали генераль и его жена. Принца нашли очень любезнымъ, доктора — очень ученымъ. Такъ и должно было быть въ столицѣ съ ея слѣпой вѣрой въ санъ и извѣстность. Принцъ былъ рыжій увалень и танцевалъ какъ кубарь; докторъ былъ важейѣ, разсѣянъ и болтливъ. Принцъ наблюдалъ Сусанну, генераль—доктора. Быть можетъ, заграничные ученые знаютъ больше нашихъ, думалъ генераль. На другой день онъ просилъ аудіенціи у иностраннаго доктора и отправился съ Сусанной къ нему. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ выяснилъ причину своего посѣщенія.

Тотчасъ врачъ умѣло завелъ съ Сусанной разговоръ мимикой. Жесты Сусанны были весьма драматичны. Она разсказала сперва о несчастіи, лишившемъ ее дара слова. Докторъ одобрительно кивалъ головой, что обнадеживало генерала. Послѣ различныхъ сложныхъ и осторожныхъ вопросовъ, отъ которыхъ Сусанна нѣсколько разъ краснѣла, докторъ внимательно изслѣдовалъ ее, прислушивался къ немногимъ звукамъ, какіе она могла еще произносить и задумался на нѣсколько мгновеній. Затѣмъ онъ приблизился къ генералу и сказалъ ему вполголоса:

— Выдайте вашу дочь замужъ, и я ручаюсь за ея исцѣленіе!

Генераль остановился точно окаменѣлый. Сусанна, которая все слышала, поблѣднѣла, какъ смерть. И врачъ смутился: онъ понялъ свою ужасную ошибку. Наступило долгое молчаніе, которое прервалъ врачъ, но генераль, боясь услышать еще разъ страшныя слова, взялъ его за отворотъ сюртука и отвелъ въ сторону. И долго они говорили у оконной ниши, повернувъ лица къ стекламъ. Затѣмъ генераль вывелъ свою жену, которая тѣмъ временемъ оправилась, притворившись, что она ничего не слышала. Сусанна спросила о результатѣ визита,— что докторъ думаетъ и что онъ предписалъ дѣлать.

— Ничего,—отвѣчалъ со вздохомъ генераль.

Онъ закусилъ губы до крови и высунулъ голову изъ окна кареты, чтобы вдохнуть струю свѣжаго воздуха.

IV.

Пріѣхавъ домой, Сусанна заперлась въ своей комнатѣ и три часа просидѣла тамъ, не переставая думать о словахъ доктора. Эти слова открыли ей новый міръ; они остались-бы загадкой для наивной дѣвочки, видѣвшей въ бракѣ благочестивый церковный обрядъ и удобное обезпеченіе; но для жизненной двадцатилѣтней женщины,

умъ которой сразу развился послѣ долгаго покоя и инертности, здѣсь не было ничего непонятнаго

Давно уже ея холодное отеческое супружество тяготило ее точно тайна, въ которую она не разъ пыталась проникнуть. Теперь завѣса раскрылась, и день врывался со всѣхъ сторонъ. Пока ея бракъ со старикомъ стоялъ преградою какимъ-то смутнымъ порывамъ и неопредѣленнымъ желаніямъ, она терпѣливо сносила свою печаль и, быть можетъ, какъ и многія другія, умерла бы, чистая и покорная, въ своемъ невѣдѣніи; но слова доктора: «выдайте вашу дочь замужъ», подняли въ ней бурю возмущенія, ибо она видѣла два несчастія въ своемъ замужествѣ: здѣсь было двойное нарушеніе ея правъ, ея достоинства, ея положенія.

Слова: «выдайте вашу дочь замужъ» разомъ проникли и въ умъ и въ сердце ея. Эти слова всегда были въ ней: они жили въ ея мысли, они шумѣли въ ея ушахъ, они стояли предъ ея глазами. Во снѣ и на яву, то строго, то шутливо являлись ей эти слова и подчасъ принимали видъ образа, полного поэзіи.

Съ тѣхъ поръ ея слабость обратилась въ лихорадочное состояніе. Этотъ цвѣтокъ, надломанный и увядшій безъ росы и безъ солнца, вдругъ выпрямился и ожилъ. Стало быть, ея страданія не неисцѣлимы; стало быть, она не навѣки загублена...

О, какъ часто эта мысль терзала ея фантазію невыразимой мукой! Что сдѣлала

она, чтобы заслужить такую странную, ужасную участь? Двойная жертва судьбы, она была поражена дважды природой и случайностью: въ недугѣ и въ лекарствѣ.

Если бы не явился этотъ старикъ, если бы она, не имѣя денегъ для вклада въ монастырь, рѣшилась-бы, въ своей нуждѣ, на неравный бракъ и вышла-бы за молодого бѣднаго работника, она нашла-бы въ этомъ бракѣ свой даръ слова. Вотъ во что ей обошлось ея богатство и ея положеніе! Теперь остается ждать, считать дни своего стараго мужа и вычислять, какъ долго дадутъ ему жить еще его возрастъ и болѣзни. Но кто знаетъ.—быть можетъ, когда она овдовѣетъ, въ ней ужъ будетъ нарушена вся гармонія, въ ней умретъ способность симпатіи, и дѣло исцѣленія станетъ невозможнымъ.

Эти мысли мучили ее дни и ночи; онѣ истомили ея голову до потери сознанія и грозили лишить ее разсудка и жизни.

Бывали моменты, когда она рыдала и кусала себѣ пальцы, когда, сдавивъ руками шею, она напрягалась изо всѣхъ силъ, чтобы произнести слово, но въ изнеможеніи падала на коверъ. И тогда въ ней бродили самые несообразные планы и страшныя намѣренія. Кто знаетъ, въ какія пучины міра неизвѣстнаго, обѣщавшаго ей такъ много, залеталъ тогда ея духъ? Какую страшную борьбу они вынесла, какія рѣшенія принимала и вновь бросала! Какъ часто создавала она цѣлый романъ, отъ

котораго, приведенная въ трепетъ интригой его и развязкой, въ ужасѣ отступалась съ первой главы.

Долго длилась эта борьба.

Но ни нерѣшительность молодой женщины, ни муки совѣсти, ни ужасъ, ни предразсудки не могли удержать дѣятельной мысли, которая властно указывала конецъ ея отчаянію, исходъ ея мукамъ.

Генераль уѣхалъ по дѣлу. Послѣ цѣлаго дня безпокойнаго раздумья Сусанна приняла рѣшеніе,—грандіозное, послѣднее рѣшеніе. Былъ понедѣльникъ мясеной недѣли. Въ прошедшемъ году мужъ, удовлетворяя ея простительное любопытство, былъ съ нею въ маскарадѣ. Сегодня въ лучшемъ танцевальномъ залѣ былъ такой-же маскарадъ. Цѣлый вечеръ она сидѣла у камина съ работой, но голова ея была гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ...

Въ полночь она одѣла домино и маску; заткнувъ букетъ за поясъ, она, никѣмъ незамѣченная, уѣхала изъ дому.

Черезъ десять минутъ она стояла въ фойе роскошнаго салона. Она вмѣшалась въ толпу и, проскользнувъ сквозь потокъ масокъ, сѣла въ сторону, точно ожидая кого-то.

Хотя ея прекрасное лицо не было видно, но общій видъ ея поражалъ красотой. Ея стройная фигура въ сатиновомъ корсажѣ выдѣлялась своей гибкостью, ея плечи сверкали бѣлизной изъ-подъ чернаго кружева мантильи. Ея волосы густыми пря-

дями спадали на плечи, и ножка ея была видна изъ-подъ короткой юбки. Неподвижно прислонившись къ спинкѣ кресла, она, въ такомъ видѣ, не могла, конечно, остаться незамѣченной.

Однако, многіе проходили мимо, не обращая на нее вниманія.

Судя по внѣшности, можно-бы думать, что такой балъ— неисчерпаемый источникъ приключеній; а между тѣмъ никто ихъ здѣсь не ищетъ. Приходятъ, встрѣчаются, обмѣниваются парой незначущихъ словъ, потомъ прощаются и теряютъ другъ друга изъ виду; и, не найдя здѣсь приключенія, какое легко можно имѣть дома, этимъ довольствуются: уходятъ, какъ пришли, лишь съ тоскою и усталостью отъ скуки. А рассчитывать здѣсь на встрѣчу или на случайное счастье — глушость или смѣшной провинциализмъ. И многіе проходили мимо Сусанны, не замѣчая ея.

Наконецъ, трое молодыхъ людей, конечно, не подозрѣвавшихъ, сколько въ этой женщинѣ таится оригинальнаго, неожиданнаго и поэтичнаго, нашли ея одиночество страннымъ и, держась за руки, остановились предъ нею.

— Смотри, Леопольдъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—какая изящная ножка и какая чудная фигура. Право, прекрасная маска.

Сусанна подняла голову и посмотрѣла на нихъ.

— Неужели вамъ не скучно сидѣть одной? Быть можетъ, вамъ угодно будетъ

пройтись съ нами по залу? — спросилъ Леопольдъ.

Сусанна покачала отрицательно головой.

— Вы не добрая, — отвѣтилъ Густавъ, первый, который заговорилъ. И оба безъ стѣсненія усѣлись по бокамъ ея. А Густавъ сказалъ:

— Что-жъ, если вы не хотите погулять съ нами, то мы отдохнемъ возлѣ васъ, прекрасная маска, ибо вы возбуждали наше любопытство.

— И мы поэтому хотѣли бы узнать, кто вы, — прибавилъ Леопольдъ, потому что въ Берлинѣ нѣтъ красивой женщины, которой бы мы не знали.

Они овладѣли каждый ея рукой, и она не сопротивлялась: она внимательно всматривалась въ третьяго молодого человека, который молча стоялъ передъ нею.

Онъ былъ молодъ, лѣтъ двадцати трехъ, изящень, красивъ, бѣлокуръ и разсѣянно смотрѣлъ куда-то вдаль.

Окончивъ осмотръ, Сусанна рѣшилась: она высвободилась, поднялась и протянула руку молодому человеку, стоявшему предъ нею.

— Ахъ, ахъ! — воскликнули одновременно Густавъ и Леопольдъ: — она выбрала Эдуарда. Она, стало быть, ждала его, а насъ спровоживаетъ. Это не по-товарищески, Эдуардъ; скажи намъ хоть, гдѣ и какъ ты ее нашелъ?

Спасая его отъ замѣшательства, Сусанна увлекла его въ толпу, гдѣ оба тотчасъ

исчезли. Оправившись от изумления, Эдуардъ сказалъ:

— Я очень счастливъ этимъ предпочтеніемъ. Но скажите, прекрасная маска, знаете вы меня или выбрали случайно, или — лишь въ отчаяніи? Не знаю, но я, несомнѣнно, не встрѣчалъ такой прелестной женщины, какъ вы.

И онъ осматривалъ молодую женщину, рука которой тихонько вздрагивала въ его рукѣ. Онъ удивлялся ея стройности, ея бѣлой шеѣ, ея глазамъ, сверкавшимъ въ разрѣзахъ маски, и нижней половинѣ ея лица, которая не была прикрыта. Его самолюбіе было польщено этой женщиной, въ которой ему всѣ завидовали.

Въ теченіе четверти часа онъ ломалъ себѣ голову, раздумывая, кто-бы она могла быть. Наконецъ, его поразило ея молчаніе; на вопросъ, не боится-ли она быть узанной по голосу, она отвѣтила утвердительно знакомъ.

— Вы, стало быть, не скажете мнѣ ни слова? Это убійственно! Въ сущности, вы свободно могли-бы говорить безъ боязни: мой музыкальный слухъ настолько грубъ, что я бы ничего не узналъ. Впрочемъ, развѣ измѣнить голосъ труднѣе, чѣмъ закрыть лицо? Ну, скажите хоть что-нибудь по-французски или по-итальянски, если можете. Есть на свѣтѣ одна лишь женщина, которую я, быть можетъ, узналъ-бы по голосу, это — графиня ***; но она не вы — она брюнетка и ей тридцать два года.

Такъ болталъ Эдуардъ, пока они неразлучно бродили чуть не всю ночь по великолѣпнымъ заламъ. Наконецъ, очень усталый и очень любопытный, онъ замѣтилъ незнакомкѣ, что залы пустѣютъ; быть можетъ, и она не прочь уѣхать. Сусанна согласилась.

Въ проходѣ Эдуардъ спросилъ:

— Мы поужинаемъ вмѣстѣ?

Сусанна противилась.

— Куда же вамъ угодно ѣхать?

Черезъ мгновеніе Сусанна вынула изъ складокъ домино маленькій вѣеръ, на которомъ записываютъ имена своихъ кавалеровъ, — и написала: «къ вамъ».

Не будемъ прилагать банальной мѣрки къ поступку Сусанны. Порокъ не былъ-бы сразу такъ смѣлъ. Сердце, чувства и умъ были безучастны въ этомъ безумномъ шагѣ. Поставленная внѣ права своей природы, Сусанна стояла внѣ законовъ общества. Не чистота ея, — ея логика потерпѣла поражение; предъ Богомъ и людьми она достойна была лишь милости и сожалѣнія.

V.

Когда дверь захлопнулась за ними, и они очутились среди художественнаго безпорядка, который всегда производится балльнымъ туалетомъ въ комнатѣ молодого чело-вѣка, Эдуардъ бросилъ свою шляпу на

кресло, провелъ рукою по волосамъ и, обратившись къ своей спутницѣ, воскликнулъ непринужденно:

— Ну, теперь—безъ тайнъ; снимите же вашу маску!

Сусанна стояла неподвижно, точно черный блестящій призракъ. Онъ медленно подошелъ къ ней, смущенный ея манерой, и, почти столько же любопытный, сколько влюбленный, нѣжно притянулъ ее къ себѣ, и такъ какъ она все еще не сняла маски, онъ быстрымъ и умѣлымъ жестомъ развязалъ ея шнурки.

Это было предъ каминомъ, между двумя зеркалами, отражавшими ихъ, и подлѣ люстры, освѣщавшей лицо Сусанны. Когда маска упала къ ихъ ногамъ, изумленіе Эдуарда было такъ велико, что обѣ его руки, обвивавшія Сусанну, произвольно опустились. Въ своемъ возбужденіи она была такъ хороша и такъ величественна, что смѣлый юноша былъ объятъ благоговѣніемъ и изумленіемъ. Онъ видѣлъ, что это не одна изъ тѣхъ пошлыхъ маскарадныхъ барынь, которыя пассивно отдаются случайности: онъ понялъ, что это—огромное, необычайное счастье, значенія котораго онъ не понималъ, и онъ думалъ, что надо окончательно побѣдить эту женщину, которая сама къ нему пришла. Поэтому онъ робко приблизился къ ней, взявъ ее за руку и усадилъ ее. Потомъ онъ опустился у ногъ ея, говоря ей все хорошее, красивое и умоляющес, что онъ зналъ; онъ шепталъ

ей все поэтическое, чему онъ научился и что давало ему такъ часто успѣхъ. Но Сусанна вдумчиво и печально отталкивала его отъ себя. Наконецъ, исчерпавъ свое краснорѣчіе, онъ сказалъ:

— Ну, теперь, когда я видѣлъ ваше лицо, вамъ можно не бояться, что я услышу вашу голосъ.

Эти слова вырвали Сусанну изъ ея мечтаній. Она вздрогнула, жизненныя краски пошли по ея лицу, глаза заблестѣли. Эдуардъ не предполагалъ, какъ сильно, какъ испытующе было дѣйствіе его словъ. Тщетно подождавъ отвѣта, онъ прибавилъ съ нетерпѣливой просьбой:

— Вы-же не нѣмая!

Сусанна вздрогнула. Это случайное слово было не испытаніемъ—это было посягательство.

Ничто на свѣтѣ, ни слово, ни музыка, ни поэзія не смогутъ выразить перваго крика, вырвавшагося изъ груди Сусанны, крика ребенка и дѣвственницы, въ которомъ трепетали всѣ струны возвышеннаго аккорда. И, вырвавшись изъ объятій Эдуарда, она упала на колѣни. Сперва она молилась Богу, потомъ въ любовномъ порывѣ назвала имя своего возлюбленнаго.

Это было странное зрѣлище—эта молодая женщина въ домино съ распущенными волосами, склонившаяся ницъ, а передъ нею молодой человекъ, который смотрѣлъ на нее съ невыразимымъ смущеніемъ, не понимая ни этой пламенной молитвы къ небу,

ни этой благодарности къ нему; ошеломленный, онъ прислушивался къ этому потоку несвязныхъ и таинственныхъ словъ, прерываемому смѣхомъ и рыданіями, и ничего не понималъ въ этой необычайной массѣ движеній и чувствъ, этихъ отрывистыхъ, несообразныхъ рѣчей, въ этомъ смутномъ изліяніи благоговѣнія, радости и любви. И какъ онъ могъ что-нибудь понять? Представьте себѣ всякаго на его мѣстѣ: думать, что имѣешь особое счастье увезти къ себѣ женщину, которую встрѣтилъ въ маскарадѣ, и—совершенно противно обыкновенному роману—вдругъ стать свидѣтелемъ этой драмы, этой поэмы, этихъ рыданій, молитвъ и волненій этой прекрасной женщины; найти подъ маской танцовальнаго зала эту влюбленную дѣвственницу и эту мощную страстность, эту женщину, вкорную и противящуюся, отдающуюся и на колѣняхъ молящуюся и благодарящую безумными рѣчами,—это было, конечно, нѣчто совершенно неожиданное. Эдуардъ подумалъ, что она—сумасшедшая, и онъ не пытался удерживать ее, когда она его оставила.

VI.

Наступилъ день, и солнце залило со всѣхъ сторонъ комнату Сусанны. Она сидѣла въ креслѣ; передъ нею на паркетѣ лежали маски и домино, свѣча горѣла еще на столикѣ. Былъ уже полдень, и Сусанна

ужь много часовъ сидѣла такъ, погруженная въ глубокія, полусознательныя грезы. Она мечтала о чудной ночи, с двойномъ счастьем—одно только убило-бы, быть можетъ, ее, но они такъ связаны были другъ съ другомъ, и одно помогало ей вынести другое.

Во всѣхъ этихъ мысляхъ, не было ни угрызений совѣсти, ни раскаянія, ни ужаса: она не видѣла въ своемъ поступкѣ ни преступленія, ни чувственности, ни слабости: это былъ неизбѣжный, внѣшній исходъ, къ которому толкала Сусанну судьба и изъ котораго она вышла съ блестящимъ триумфомъ. Ея блаженство давало миръ ея душѣ. Свѣтъ осудилъ-бы, быть можетъ, въ своей строгости ея поступокъ съ обычной жестокостью, но тайна спасала ее отъ несправедливыхъ упрековъ. Она рѣшила еще нѣсколько дней оставаться по-прежнему безгласной—въ это время она подготовитъ какую-нибудь уловку: притворное сильное возбужденіе или новую операцію. Ей придется играть комедію или драму; но во всякомъ случаѣ эту роль создать и сыграть будетъ не трудно—обмануть надо одного только генерала, а онъ добрый и довѣрчивый человѣкъ, котораго, несомнѣнно, ослѣпить радость въ такомъ случаѣ.

Голоса въ прихожей вспугнули ее и вывели изъ размышленій.

Сусанна быстро отбросила ногой остатки бала въ уголь, задула свѣчу, приняла беззаботную позу и граціозно приложила

пальчикъ къ губамъ, которыя улыбались, точно говоря: «Помолчите еще!» Было такъ приятно чуточку притвориться въ томъ, что еще вчера казалось неисцѣлимымъ недостаткомъ. Горничная въ полуоткрытую дверь доложила о графинѣ Ф. Сусанна приказала принять.

Графиня Ф. была женщина, которую Сусанна видѣла чаще и радостнѣе, чѣмъ другихъ; въ ея домѣ и встрѣтился генераль съ иностраннымъ докторомъ.

Войдя, графиня изобразила таинственное и смущенное выраженіе. Съ душевнымъ порывомъ она взяла обѣ руки своей подруги и прижала ихъ къ корсажу; она обняла Сусанну два раза и смотрѣла на нее съ грустнымъ лицомъ, вздыхая и вскидывая глаза; все это вмѣстѣ съ умѣлыми замѣчаніями, которыя, сперва двусмысленныя, понемногу показались изъ-за своего покрывала,—слишкомъ ясно говорили, что визитъ къ доктору и совѣтъ его извѣстны въ точности.

Сусанна была уничтожена. У нея не хватило силы ни отвѣчать, ни слушать ничего изъ этой массы угѣшеній и совѣтовъ, росточаемыхъ преданностью и дружбой.

Когда генераль вернулся на другой день, онъ узналъ тотчасъ о нескромности врача. Нѣсколько словъ, вырвавшихся у него въ гнѣвѣ и раздраженіи, дали Сусаннѣ понять, что эта исторія стала предметомъ толковъ. Это былъ матеріалъ для салоновъ;

разсказывали все съ прибавленіемъ пикантныхъ подробностей.

О, какъ ненавидѣла она это общество, гдѣ низкая порочность, въ лести и чести, гордо подымала чело, а ея паденія, столь извиняемаго со всѣхъ сторонъ, ожидали, какъ зрѣлища, надъ которымъ всякій можетъ издѣваться. Слишкомъ гордая, чтобы позволить этимъ людямъ запятнать свое имя, она укрѣпилась въ своей геройской покорности и рѣшилась, хотя бы цѣной жизни, принести эту жертву. Сколько душевной силы надо было ей, чтобы довести свое рѣшеніе до конца. Раньше лучъ надежды оживлялъ ея горькія жалобы; теперь она страдала безвыходно, безнадежно... Этотъ вождельный языкъ—она должна была стараться скрыть его; языкъ, который она въ ту ночь освятила слезами, былъ теперь точно краденнымъ сокровищемъ, точно украшеніемъ, созданнымъ для нея, но не на показъ: она должна была снимать его при другихъ и, какъ убогая, подвергаться ихъ сожалѣнію. Теперь ея мученіемъ было—держать сокрытымъ слово, рвущееся наружу, упоенное свободой, милое, безцѣнное, слово, трептавшее на ея устахъ, страшное, ужасающее слово, сдавливавшее ей горло и сквозь зубы рвущееся наружу.

... Вся отрада, вся награда ея заключалась въ томъ, что иногда она запиралась сама въ комнату и говорила; она говорила сама съ собой, съ мебелью, картинами, со стѣнами и съ поломъ: она пьянѣла отъ звуковъ

этой чудной музыки и отъ воскресшей мощи ея голоса. Она говорила вслухъ и шопотомъ, она лепетала и пѣла, она испытала всѣ тоны, всю податливость этого гибкаго органа. Иногда она уходила изъ дому сама: она заходила въ отдаленныя части города, гдѣ ее никто не зналъ, и дѣлала тамъ въ лавкахъ покупки, чтобы разговаривать съ купцами. Она съ наслажденіемъ на улицѣ спрашивала тайкомъ дорогу, она съ изобрѣтательностью находила всякіе способы поговорить. Но эти мгновенія тайной свободы были такъ кратки; надо было опять вернуться домой и вновь предъ мужемъ, предъ людьми, предъ всѣмъ свѣтомъ наложить на себя узы, каждый день она должна была начать съ пытки дрессировать себя, грозить себѣ и трепетать отъ мысли, что слово можетъ у нея вырваться; и самое простое, самое честное слово уличить ее въ прелюбодѣяніи.

Другое горе нанесло ей второй ударъ; примиреніе и бодрость долго поддерживались въ ней утѣшающею мыслью. Изъ двойного счастья, доставшагося ей на долю, осталась невозможной и неосуществленной лишь одна половина—другой у нея не отнимутъ. Сердце ея, которое тоже заговорило, не было обязано молчать. Изъ двухъ голосовъ, возставшихъ въ ней, голосъ сердца не осужденъ былъ на молчаніе. И, думая объ этомъ въ часы мечтаній или говоря въ своихъ монологахъ, Сусанна чувствовала, что лучшая половина побѣды—еще за ней.

Тогда она не жалѣла себя, тогда прекращались ея страданія, она любила Эдуарда и въ этой любви находила все: вѣру, покорность и надежду, — а люди говорили, что у нея нѣтъ ничего.

Сперва она съ надеждою ждала Эдуарда, но, видя, что онъ не является и что она его нигдѣ не встрѣчаетъ, она стала сама безъ указаній и руководителя искать его. Его лицо и имя было все, что она сохранила въ памяти о немъ: лишь случайно могла она найти его. Она искала повсюду съ странной настойчивостью. Если бы оба они искали другъ друга, то нашли-бы, несомнѣнно, но она искала одна и — безплодно!

Когда погибла и эта надежда, Сусаннѣ ничего больше не оставалось. Все покоилось у нея на этой счастливой любви. Ему, Эдуарду, она довѣрилась-бы, ему она сказала-бы все, все; съ нимъ начала-бы она новое существованіе, новую жизнь, скрытую отъ свѣта подлѣ него, для себя, вдвоемъ, жизнь полную счастья и радости; но одна она не могла бороться съ своей участью. Жизнь ея проходила въ борьбѣ, въ слезахъ и въ боязни, въ предосторожностяхъ, въ опасностяхъ и въ лишеніяхъ.

Осень нашла ее на ложѣ смерти. Безгранично было отчаяніе генерала, когда онъ увидѣлъ свою жену въ этомъ состояніи. Онъ и Георгъ истомились въ заботахъ и уходѣ за нею, но болѣзнь шла гигантскими шагами и съ каждымъ часомъ оставляла на жертвѣ своей слѣды, не по-

зволюяшіе сомнѣваться тѣмъ, кто любилъ несчастную.

Однажды утромъ, врачъ, лечившій Сусанну, послѣ продолжительнаго изслѣдованія больной обратился къ генералу съ опущенными глазами. Онъ взялъ его руку и пожалъ со вздохомъ, которой значилъ: «Свершилось, сегодня—ея послѣдній день».

Генераль понялъ. И когда всѣ удалились, и онъ одинъ остался у постели молодой жены, которую ему, старику, дано было пережить, горе его прорвалось наружу. Стоя на козлѣняхъ, блѣдный, какъ смерть, онъ рыдалъ, и его грубый голосъ еле складывался, въ этихъ судорогахъ, въ слова; онъ билъ себя въ грудь и себя винилъ во всемъ.

— «О, я, я виноватъ въ твоей смерти, Сусанна! Я, жалкій, я могъ тебя спасти: я долженъ былъ убить себя. Я долженъ былъ умереть, а не ты! Прости меня, несчастная жертва, ты будешь отомщена, —я не переживу тебя—я накажу себя—клянусь тебѣ!»

И въ этотъ моментъ Сусанна приподнялась съ усиліемъ, прислонила голову къ его плечу и, собравъ послѣднія силы, чтобы пролить утѣшеніе въ эту бѣдную, истерзанную душу, чтобы спасти старца отъ отчаянія и мыслей о самоубійствѣ, —она сказала:

— «Прощай!»...

